

Научная статья
УДК 343.321/341.481
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.14>

ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Надежда Викторовна Мирошниченко¹

Владимир Юрьевич Максимов²

- ¹ Ставропольский государственный аграрный университет (д. 12, пер. Зоотехнический, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)
Доктор юридических наук, доцент
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2756-2807> E-mail: n01071978@mail.ru
- ² Ставропольский государственный аграрный университет (д. 12, пер. Зоотехнический, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)
Кандидат юридических наук, доцент
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5518-5810> E-mail: maximow26@yandex.ru
Автор, ответственный за переписку: Максимов Владимир Юрьевич, maximow26@yandex.ru

Аннотация. Введение. Юридическое, в частности, уголовно-правовое направление применения в науке компаративного метода является в настоящее время активно развивающимся учением в системе отечественной уголовно-правовой науки. В силу этого, а также в свете происходящих в последние годы фундаментальных сдвигов в мировой политике, влекущих соответствующие по масштабу изменения в системе международного права, актуализируются научные исследования в избранном авторами направлении.

Материалы и методы. Исследование носит предметно-научный характер и осуществлено, в целом, на базе изучения уголовного законодательства зарубежных стран, составляющих основной научный интерес авторов. Работа выполнена с учетом мнений ведущих современных отечественных ученых – специалистов в области уголовно-правовой компаративистики. **Анализ.** Статья представляет собой исследование вопросов, связанных с определением в уголовном праве зарубежных стран одного из базовых понятий уголовно-правовой доктрины – понятия преступления, а также ряда возникающих при этом научных проблем. Сложность сравнительно-правового исследования данного понятия усугубляется отсутствием в ряде правовых систем современности его законодательно-определения. Для преодоления данной проблемы в работе осуществлен анализ понятия преступного деяния, характеризующегося признаками противоправности (противозаконности), вредоносности (общественной опасности), виновности и наказуемости. При этом авторы уделяют повышенное внимание вопросу

криминализации преступного бездействия. Осуществлен историко-правовой анализ смежного с деянием признака причинно-следственной связи. Завершает статью исследование доктринального и законодательного опыта в области классификации преступлений, а также практического значения данного вопроса для принятия решений в области уголовно-правовой оценки совершенных деяний. **Результаты.** Проведенный анализ позволяет авторам сформулировать в итоге ряд обоснованных и заслуживающих внимания выводов компаративного характера.

Ключевые слова: правовая компаративистика, преступление, уголовно-правовое деяние, общественная опасность, противоправность, виновность, уголовно наказуемое деяние, причинно-следственная связь, классификация преступлений, уголовная политика

Для цитирования: Мирошниченко Н. В., Максимов В. Ю. Понятие преступления и классификация преступлений в уголовном праве зарубежных стран // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 466–472. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.14>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 30.05.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 07.08.2023.

Статья принята к публикации: 21.09.2023.

Research article

THE CONCEPT OF CRIME AND THE CLASSIFICATION OF CRIMES IN THE CRIMINAL LAW OF FOREIGN COUNTRIES

Nadezhda V. Miroshnichenko¹Vladimir Yu. Maksimov²

¹ Stavropol State Agrarian University (12, lane Zootechnical, Stavropol, 355017, Russian Federation)

Dr. Sc. (Law), Associate Professor

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2756-2807> E-mail: n01071978@mail.ru

² Stavropol State Agrarian University (12, lane Zootechnical, Stavropol, 355017, Russian Federation)

Cand. Sc. (Law), Associate Professor

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5518-5810> E-mail: maximow26@yandex.ru

Corresponding author: Vladimir Yu. Maximov, maximow26@yandex.ru

Abstract. Introduction. The legal, in particular, the criminal law direction of the comparative method application in science is currently an actively developing teaching in the system of domestic criminal law science. Because of this, and in the light of the fundamental shifts in world politics taking place in recent years, entailing corresponding changes in the system of international law, scientific research in the direction chosen by the authors is being updated. **Materials and methods.** The research is of a subject-scientific nature and is carried out, in general, on the basis of the study of the criminal legislation of foreign countries, which constitute the main scientific interest of the authors. The work was carried out taking into account the opinions of leading modern Russian scientists-specialists in the field of criminal law comparative studies. **Analysis.** The article studies the issues related to the definition in the criminal law of foreign countries of one of the basic concepts of criminal law doctrine – the concept of crime, as well as a number of emerging scientific problems. The complexity of the comparative legal study of this concept is aggravated by the absence of its legislative definition in a number of legal systems of modernity. To overcome this problem, the paper analyzes the concept of a criminal act characterized by signs of illegality (illegality), harmfulness (public danger), culpability and punishability. At the same

Введение. Уголовно-правовая компаративистика, хотя и насчитывает более полутора веков своего существования, является в настоящее время активно развивающейся правовой отраслью. Актуальность отечественным исследованиям в данной области придает динамика развития как российских общества и государства, так и общемировых процессов, одним и ведущих центров которых сегодня является наша страна. События последних лет, связанные, в первую очередь, с происходящими на рубежах России вооруженными и невооруженными конфликтами, с особой остротой поднимают вопросы соотношения правовых систем различных стран и групп стран мира. Одним из непосредственных примеров практической актуализации вопросов соотношения уголовного законодательства соседних стран и их союзов является проблема юридической оценки деятельности государств, их вооруженных сил и отдельных комбатантов в ходе проведения специальной военной операции. В связи с этим

time, the authors pay special attention to the issue of criminalization of criminal inaction. The historical and legal analysis of the attribute of causal relationship related to the act has been carried out. The article concludes with a study of doctrinal and legislative experience in the field of classification of crimes, as well as the practical significance of this issue for decision-making in the field of criminal legal assessment of committed acts. **Results.** The analysis allows the authors to formulate a number of reasonable and noteworthy conclusions of a comparative nature.

Keywords: legal comparativistics, crime, criminal act, public danger, illegality, culpability, criminally punishable act, causal relationship, classification of crimes, criminal policy

For citation: Miroshnichenko N. V, Maksimov V. Yu. The concept of crime and the classification of crimes in the criminal law of foreign countries. *Humanities and law research*. 2023;10(3):466–472. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.14>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 30.05.2023.

The article was approved after reviewing: 07.08.2023.

The article was accepted for publication: 21.09.2023.

целью настоящей статьи является исследование основных категорий уголовно-правовых систем противостоящих России ведущих западных стран и сравнение их с достижениями отечественной уголовно-правовой науки.

Материалы и методы. Основой методики предлагаемого исследования явился метод юридической компаративистики, который был применен в комплексе с методами формально-правового и исторического анализа. Источниковой базой работы выступило уголовно-правовое законодательство ведущих стран, представляющих англо-американскую и романо-германскую правовые семьи, а также труды современных отечественных ученых в области уголовно-правового сравнительного правоведения.

Анализ. Одним из ключевых понятий любой национальной системы уголовного права является понятие преступления. Однако оно сформулировано не во всех правовых системах стран мира: так, например, определение данного понятия есть в уголовных кодексах отдельных штатов

США (Калифорния, Колорадо, Нью-Йорк и др.) и в ФРГ и отсутствует в законах Великобритании и Франции, где оно формулируется либо в судебных решениях, либо в юридической практике.

Основным признаком любого определения понятия преступления является наличие деяния (об этом, в частности, упоминают М.-Л. Расса, Ж. Левассер, А. Холл, П. Таппен и др. [5]). Остальные его свойства в той или иной комбинации встречаются в разных определениях, это признаки: противоправности, вредоносности (общественной опасности), виновности (в различных вариациях), наказуемости, иногда – наличия состава преступления. При этом ведущим признаком деяния чаще всего является формальный – его противоправность, т.е. запрещенность нормами права. Данный признак был заложен еще классической школой уголовного права («нет преступления без указания на то в законе») и долгое время оставался главным в определении понятия преступления. Однако социологическая школа выработала дополненное учение об опасности преступления, т.е. о нарушении им интересов общества.

В англо-американском уголовном праве в понятие преступления входит, в основном, два элемента (критерия): объективный («actus reus») и субъективный («mens rea») [1]. Например, по УК Калифорнии, «должно быть единство и взаимодействие деяния и намерения его совершить или правовой небрежности». Таким образом, первый критерий («actus reus») означает добровольный акт (действие или бездействие), причинившее какой-либо вред или создавшее угрозу его причинения. «Mens rea» (буквально – «виновный дух») – это категория, близкая по значению виновности; однако оно может выражать и какой-либо вид вины (в том числе, заранее возникший умысел), и способ совершения преступления (например, обманный), и т. д.

Вина как таковая не считается обязательным признаком преступления, т.е. признается возможность преступлений т.н. «строгой», «абсолютной» ответственности. Особенность англо-американской системы права в том, что ряд преступлений считаются таковыми и без установления в деянии лица его вины, таким образом, в законодательных актах этих стран закреплена возможность объективного вменения. Например, Г. Купер считает, что вопрос о возможности привлечения лица к ответственности без вины – вопрос не права, а уголовной политики, зависящий от состояния общества в данный период [2].

Что касается признака противоправности («легальности»), то преступлениями здесь объявляются те деяния, которые противоречат нормам не закона, а права вообще, общего права, в т. ч. и судебной практике. Кроме прочего, такой путь ведет к применению в уголовном праве аналогии, что

и провозглашается в научных трудах по английскому уголовному праву для категории нетяжких преступлений. Это, в свою очередь, фактически приводит к объявлению судами новых видов преступлений. США отходят от данного принципа: так, по федеральному законодательству страны уголовная ответственность может быть возложена на лицо только на основании закона.

Признак вреда понимается британскими и американскими правоведами по-разному: одни говорят о вреде вообще, другие – о вреде юридическом (норме права), третьи – о вреде обществу. С другой стороны, одни авторы подразумевают под вредом сам факт совершенного противоправного деяния (формалистическое направление), другие – его неблагоприятные последствия (реалистическое направление). Под последними понимают вред: справедливости и правопорядку, жизни, свободе, чести, финансам, общественной безопасности, общему прогрессу, приватности частной жизни и т. д.

Во Франции, как и в Великобритании, отсутствует единое понятие преступления, и даже нет единства мнений о том, что считать его основными признаками. Некоторые авторы называют в качестве таковых два: материальный и законодательный, другие – материальный и психологический, третьи – только материальный, и т. д.

В немецкой правовой доктрине сосуществует два понятия: в уголовном процессе – просто «деяние», в уголовном праве – «преступное деяние». § 11 УК ФРГ гласит: «Противоправное деяние – только такое, которое осуществляет состав преступления, предусмотренный уголовным законом» [6]. Т. Ленкнер выделяет три признака преступления: соответствие составу, противоправность и виновность [3]. Таким образом, основной признак преступности деяния – соответствие его составу преступления (Tatbestand). Составы бывают: простого совершения, простые, конкретной опасности, абстрактной опасности, с последствиями, квалифицированными.

Деяние может проявляться в формах как действия, так и бездействия, но действие обязательно должно быть осознанным, а бездействие может быть и неосознанным – главное, чтобы лицо осознавало возможность действовать указанным в законе образом и имело такую возможность реально.

Противоправность по Уголовному уложению 1871 г. понималась здесь только как противозаконность, т. е. противоречие уголовному закону, сейчас же воспринимается в полном смысле этого слова – как нарушение либо уголовного закона, либо вообще общественного порядка (при отсутствии обстоятельств, исключающих преступность деяния). При этом в УК ФРГ предусмотрено положение об ошибке в уголовно-правовом запрете, когда лицо не совершает преступление, если оно не понимало противоправности своего деяния и не могло избежать такой ошибки [6].

Что касается признака виновности, то сама по себе вина не является в германском праве полностью признаком состава преступления. Вместе с составом преступления она выступает в качестве основания уголовной ответственности и наказания и понимается как упречность поведения лица. В каждом конкретном случае, определяя степень данной упречности, суд решает вопрос о том, должно ли было лицо осознавать, что действует противоправно.

Как один из главных признаков преступления, наказуемость понимается практически во всех правовых системах так, что преступное деяние находится под угрозой предусмотренного в законе наказания. При этом деяние наказывается лишь тогда, когда наказание за него было введено законом до его совершения («нет наказания без закона»).

Как видно из приведенных ранее дефиниций преступления в зарубежном уголовном праве, все они определяют его через ключевой, базовый институт «деяния». Существует ряд точек зрения на уголовно-правовую сущность деяния. Ф. Хафт (Германия) называет, в частности, три: каузальную, финальную и социальную [3]. Первая учит, что деяние есть волевой акт, порождающий движение, имеющее результаты (такая доктрина более всего подходит для неосторожных преступлений). Исходя из второй точки зрения, деянием руководят в соответствии с мысленно смоделированной целью (для умышленных преступлений). В соответствии с третьей, господствующей, деяние оценивается через свою социальную значимость (такая позиция применима, в первую очередь, для бездействия).

В рассматриваемых странах, как и в России, главный термин включает в себя как действие, так и бездействие (например, ст. 1.13(5) Примерного УК США [6]). Однако две эти формы преступного деяния имеют, естественно, свои особенности. Так, если активная форма деяния, действие не вызывает сомнений как причина наступающего общественно опасного результата, то по поводу того, можно ли считать причиной последнего бездействие – и какое именно, – в теории уголовного права и на практике существуют споры. Кроме того, доктрине не всегда ясно, как именно понимать даже преступное действие, т. е. какими признаками оно должно обладать.

Обычно действие трактуется в определении американского юриста М. Мура: «волевое движение тела» [1] (аналогичная трактовка дается в Примерном УК США [6]). Таким образом, подчеркивается, во-первых, физическое качество действия, во-вторых, его активный характер и, в-третьих, выражение им действительной воли человека. При этом обращается внимание на то, что проблема установления добровольности действия лица не сводится к констатации его вменяемости. В то же время именно институт вменяемости чаще всего урегулирован УК зарубежных

стран, а проблемы определения как содержания деяния, так и добровольности как его признака оставлены доктрине.

При этом ученые осознают недостаточность трех названных признаков преступного деяния, т.к. далеко не всякое даже волевое движение мышц тела можно считать преступлением. Так, Д. Флетчер подчеркивает, что приведенной дефиниции не хватает признака того, «как человек понимает других людей» [3], – т.е. фактически интеллектуального момента сознания. При этом он опирается на выдвинутую еще в 1930-х годах немецким профессором Г. Вельцелем т.н. «финальную теорию действия» [4]. Автор данного учения отстаивал идею «зрячего действия», утверждая, что преступное поведение лица может быть оценено как таковое лишь в силу того, что оно было направлено на достижение преступного результата. Вместе с тем доктрина Вельцеля – теория взаимосвязи и неразрывности действия и умысла, таким образом, она не срабатывает в неосторожных преступлениях, поскольку в этих случаях противоправные действия не направлены на достижение преступной цели.

Что касается преступного бездействия, то Мур и Моррис пытались определить его как просто «отсутствие волевых телодвижений» [5]. Однако зарубежное уголовное законодательство твердо стоит на позиции исключения ответственности за мысли и убеждения. В соответствии с этим, возникают вопросы: каким именно должно быть бездействие, чтобы признаваться преступлением? Должно ли лицо привлекаться к уголовной ответственности лишь за то, что стало пассивным свидетелем чужого преступления либо даже несчастного случая?

Данные вопросы становятся проблемой ограничения личной свободы человека, т.к. запрещение отдельных действий (тем более видимо опасных для общества) не воспринимается как явное покушение на права и свободы личности, в противоположность сформулированному в законе требованию какие-либо действия совершать. Эту проблему зарубежное уголовное право разрешает, в основном, двумя законодательными положениями:

- во-первых, бездействие постороннего лица в виду наступающих преступных последствий не должно признаваться совершением преступления;
- во-вторых (ст. 2.01(3) УК США), «ответственность за совершение преступления не может быть основана на бездействии, ... если только обязанность совершить не совершенное действие не устанавливается законом» [6]. В связи с этим Ф. Хафт указывает, что «бездействие – это обманутые ожидания» [3].

В немецкой юридической литературе различают «настоящие» и «сходные» составы бездействия. Первые прямо описаны в составе деяния

(например, § 323 «Неоказание помощи бездействию» [6]), вторые считаются таковыми лишь по сходству последствий с составами преступлений, выполняемыми действиями.

Вслед за социологической школой уголовного права современная (материалистическая, реалистическая) доктрина зарубежных стран определяет преступление не просто как деяние, но как причинение или возможность причинения им серьезного вреда чьим-либо интересам. Так, в американском праве объективная сторона преступления включает: поведение, сопутствующие обстоятельства и результат. При этом, как было показано ранее, данные последствия по своей природе могут быть весьма разнообразными. В связи с этим исключительную важность приобретает проблема установления причинной связи между деянием лица и наступившими в его итоге вредными последствиями.

При этом, однако, даже авторы реалистического направления считают, что не во всех преступлениях уместно ставить вопрос об установлении причинной связи, т.к. одни преступления опасны в силу наступающих последствий (убийство, поджог, причинение вреда здоровью), а другие – в силу самих опасных действий (изнасилование, разбойное нападение и т.п.). В целом, это соответствует учению российского уголовного права о материальных и формальных составах преступления. Первая категория отличается от второй, во-первых, наличием, как правило, хотя бы небольшого разрыва во времени между деянием и последствиями, а во-вторых, тем, что последствия при этом, в принципе, могут наступать и случайно, в то время как в преступлениях с опасным деянием – нет.

Поиск теории причинной связи в преступлениях с опасными последствиями велся в западной уголовно-правовой литературе с середины XIX в. В итоге была выработана базисная теория, которая применяется, в основном, и до сих пор – теория «кондицио сине ква нон», т.е. «условие, без которого нет» преступления. Она проявилась, например, в Примерном УК США, ст. 2.03(3) которого гласит: «Поведение является причиной результата в случаях, когда оно является предшествующим фактором, без которого данный результат не наступил бы» [6]. Таким образом, первый фактор причинно-следственной связи – временной: деяние только тогда может быть в принципе причиной вреда, если оно предшествовало ему во времени.

Однако любому событию реальной жизни предшествует бесчисленное множество других событий и, естественно, не все они являются хотя бы отдаленной причиной такового («вслед за этим не значит вследствие этого»). Поэтому главная задача любой теории причинно-следственной связи – выделить из всех предшествующих событий именно те, которые вызвали к жизни данное явление.

Эквивалентная теория предложила решать эту проблему методом «мысленного исключения», т.е. проверяя каждое предшествующее событие вопросом: что было бы, «если бы не ...»? Если при удалении какого-либо фактора результат не меняется, он не может быть его причиной; в противном случае он признается причиной наступившего вреда.

Однако уже на рубеже XIX–XX вв. стала ясна ограниченность такого подхода, т.к. при нем все факторы, как-либо влияющие на наступление последствия, иными словами – детерминирующие его, признавались его причиной, т.е. уравнивались между собой («эквивалентный» (лат.) – равноценный). Однако теория детерминации (взаимосвязи) развивалась и сейчас насчитывает более 40 видов различных связей.

Поэтому К. Бикмайер выдвинул другую теорию – «неравноценности условий» [3]. Он предлагал разделить все условия наступления преступного результата на две части: «наиболее действенные» и «менее действенные», т.е. фактически на причины и условия. В вопросе о том, что в конкретном случае считать первыми, а что – вторыми, Бикмайер предлагал руководствоваться здравым смыслом – вульгарным понятием причины из повседневной жизни. В конце XX в. эту теорию по-своему возродил Д. Флетчер, выдвинув идею о «причинной энергетике» и предложив определять в каждом конкретном случае, что более, а что менее повлияло на исход дела [4].

Немецкий криминалист К. Биндинг одновременно с Бикмайером сформулировал теорию «изменения равновесия» [3]. Она гласила, что, поскольку все явления мира постоянно находятся в состоянии неустойчивого равновесия, т.е. испытывают одновременное влияние противоположных сил, причиной наступления какого-либо непредвиденного события необходимо считать тот фактор, который, содействуя одной из этих сил, вывел рассматриваемое явление из состояния равновесия. Однако по существу теория Биндинга является трансформацией той же эквивалентной теории.

Попыткой преодолеть ограниченность последней была и т.н. «теория адекватной причинности», которая предлагала изо всех выделенных условий наступления результата в качестве причин рассматривать те, которые вообще, а не только в данном конкретном случае способны повлечь его наступление, т.е., устраняя случайные причинные связи, находить такие, при наличии которых результат адекватен (соответствует) причине. Однако ущербность данной теории заключается как раз в том, что в реальной жизни не существует «преступления вообще», а только конкретное деяние и реальный результат, между которыми может развиваться и случайная связь, переросшая в необходимую.

Поэтому юристы стран общего права предложили теорию «ближайшей (непосредственной) причины». Так, отделяя главную причину преступного результата от второстепенных, К. Кенни в середине XX в. писал: «Существует известный предел, за которым право отказывается следить за цепью причинности, почему и само действие за этим пределом рассматривается как слишком отдаленное, чтобы быть виновным» [2]. В то же время определение степени «близости» или «отдаленности» причины – вопрос практики, т. к. доктрина пока не смогла «сформулировать общее правило, устанавливающее такой предел».

Более того, некоторые теоретики стали утверждать, что непосредственная причина – оценочное суждение и вопрос уголовной политики, а не права. На практике же анализ причинной связи проходит два этапа: сначала определяется, удовлетворяет ли изучаемый фактор правилу «если бы не ...», а затем – отвечает ли он требованию «непосредственной причины». Таким образом, данная теория становится очень близкой советской доктрине «необходимого причинения», применяемой у нас с 1930-х годов.

Гораздо больше внимания, чем понятию преступления, зарубежное уголовное право уделяет классификации преступлений как правовому институту, имеющему большое практическое значение.

Так, в Великобритании и США преступления подразделяются по нескольким признакам – основаниям классификации: объекту, источникам, опасности, отношению к нормам морали и т. д. Первая классификация формулируется уголовно-правовой доктриной, например, Хэлсбери делит уголовно наказуемые деяния на три группы: преступления против правительства и общества, против личности и против собственности [4]. Первый вид разделяется им на 18 категорий: преступления против королевской власти, против общественного спокойствия, против должностных лиц, против правосудия, против брака и семьи, против чести и морали и т. д. Второй вид включает 3 категории: убийство, самоубийство и вред здоровью. В третий входят 4 категории: хищение, мошенничество, подделка, злоумышленное повреждение имущества.

По формальным источникам все преступления здесь делятся на правонарушения общего права и статутные. По опасности в англо-американской системе существует две классификации преступлений: материально-правовая и процессуально-правовая. Британская материально-правовая классификация до 1967 г. делила все преступления на три группы: особо опасные (тризны), средней тяжести (фелонии) и, соответственно, мисдиминоры, а после указанного года – только на две: измена и прочие преступления [4].

Процессуально-правовая классификация тоже может быть различной. Во-первых, преступления делятся на: 1) те, дела о которых рассматривают-

ся с обязательным составлением обвинительного акта, при котором возможно их рассмотрение в Суде короны с участием присяжных, 2) те, которые разбираются в упрощенном порядке в магистратских судах, и 3) т.н. «смешанные», при которых выбор процедуры судебного разбирательства зависит от сторон. Вторая процессуальная классификация состоит в следующем: во-первых, это так называемые «арестные дела», т.е. преступления, по которым подозреваемый может быть подвергнут аресту (те, за которые лицу, достигшему 21 года, ранее судимому, может быть назначено не менее пяти лет лишения свободы и более строгое наказание); во-вторых, это те преступления, при которых такой арест невозможен.

В США материально-правовая классификация сохраняет деление преступлений на опасные – фелонии (те, за которые может быть назначено наказание свыше 1 года лишения свободы) и менее опасные – мисдиминоры (предусмотрены более мягкие виды наказания), при этом законодательство штатов выделяет из последних еще и нарушения (например, в штате Нью-Йорк это – те деяния, максимальное наказание за которые – это тюремное заключение на срок до 15 суток). В большинстве штатов обе категории преступлений делятся на классы: А, В, С, D, Е (причем фелонии могут быть с 3-го по 5-й класс, мисдиминоры – 2-го и 3-го) [4].

Значение такого деления – в последствиях преступления: так, совершение фелонии является отягчающим обстоятельством, виновные в них отбывают наказание при более строгом режиме, они теряют (как правило, пожизненно) ряд прав. В процессуальном отношении все преступления в США, как и в Великобритании, подразделяются на те, дела о которых рассматриваются с обвинительным актом и те, которые разбираются в упрощенном порядке.

С этической точки зрения, как в Великобритании, так и в США преступления делят на две группы: 1) те, которые противоречат явным представлениям о добре и зле, которые аморальны и являются «злом сами по себе» (убийства, поби, хищения и т. д.); 2) те, которые становятся преступлениями только в силу вводимых государством запретов, вне зависимости от их этичности (нарушения: эксплуатации транспорта, производства товаров, уплаты налогов и т. п.), – или на так называемые реальные (действительные) и квази-преступления. Такое деление имеет то практическое значение, что для второго вида преступлений суду не обязательно устанавливать вину подсудимого (т. н. абсолютная ответственность). Некоторые юристы считают, что «аморальные преступления» должны рассматриваться судом присяжных, а иные – только судьями-профессионалами.

Французское уголовное право знает несколько классификаций уголовно наказуемых деяний, причем наибольшее значение имеет деление их на преступления, проступки и нарушения. И хотя УК Франции 1992 г. (статьи 111-1 и 111-2 [6]) установил материальный критерий дифференциации – тяжесть деяния – суть ее осталась прежней.

С точки зрения критерия вины преступления могут быть только умышленными (наказываются лишением свободы на срок свыше 10 лет либо пожизненным), проступки – это либо умышленные правонарушения меньшей степени тяжести, либо неосторожные (наказание – лишение свободы до 10 лет, штраф, общественные работы). Для привлечения к уголовной ответственности за нарушения необязательно выяснение формы вины, т. к. она презюмируется, как в квази-преступлениях в Великобритании и США (штраф до 10 тыс., общественные работы, лишение прав) [5].

Значение такого деления многопланово. Например, в отношении стадий совершения преступления существует такой подход, что покушение на преступление обычно наказуемо, на проступок – в случаях, оговоренных в законе, на нарушение – никогда. Соучастие наказуемо всегда при совершении преступлений и проступков, а при нарушениях – только если это специально предусмотрено постановлением органа исполнительной власти.

От категорий правонарушений зависят также сроки давности; реабилитация возможна лишь за преступления и проступки. В зависимости от категорий ставится и возможность отсрочки, иные виды освобождения от наказания, режим отбывания наказания в виде лишения свободы. Наконец, классификация деяний предопределяет систему не только судов, но и всех правоохранительных органов Франции.

УК ФРГ делит уголовные правонарушения на две группы: преступления и проступки [6]. Первые – те, за которые может быть назначено наказание не ниже одного года лишения свободы. Проступки – те правонарушения, за которые возможно максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до одного года либо денежный штраф. Если же максимально возможное наказание за деяние – штраф административный, то оно является нарушением общественного порядка, что предусмотрено нормами немецкого «дополнительного» уголовного права.

Результаты. Итогом осуществленного анализа понятия преступления и классификаций преступлений в уголовном праве зарубежных стран могут быть, на наш взгляд, следующие выводы:

1. В области объекта предпринятого нами исследования уголовно-правовые доктрины романо-германской и англо-американской правовых семей, при всем различии, в своих основных положениях не содержат коренных противоречий.
2. В плане законодательного решения ряда проблем отечественная уголовно-правовая наука представляется нам более передовой, т. е. доктринально глубже и адекватнее современности разрабатывающей многие вопросы понятия, признаков, систематизации преступлений.
3. Вместе с тем, отдельные положения доктрины зарубежного уголовного права (к примеру, влияния уголовно-правовой политики на криминализацию деяний) заслуживают дальнейшего внимательного изучения.

Литература

1. Галиакбаров Р. Р., Шульга А. В., Сокол А. В. История возникновения и становления учения о составе преступления в зарубежном уголовном праве // Общество и право. 2019. № 3 (69). С. 37–44.
2. Кораблёва С. Ю. Концепции вины и проблемы определения виновности в уголовном праве России и зарубежных стран // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2020. № 3 (836). С. 295–301.
3. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учебник для вузов / А. В. Наумов и др.; под ред. А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. М.: Юрайт, 2023. 285 с.
4. Уголовное право зарубежных стран (Особенная часть): учебно-методическое пособие / Н. Е. Крылова, А. В. Малешина, А. В. Серебренникова; МГУ. М.: Статут, 2019. 351 с.
5. Уголовное право зарубежных стран в 3 т. Том 1. Общая часть. Учебник для бакалавриата и магистратуры / Крылова Н. Е., Еремин В. Н., Игнатова М. А., Серебренникова А. В. 5-е изд., пер. и доп. М.: Юрайт, 2021. 240 с.
6. Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. URL: <https://constitutions.ru> (дата обращения: 03.06.2023).

References

1. Galiakbarov R. R., Shul'ga A. V., Sokol A. V. The history of the origin and formation of the doctrine of the composition of a crime in foreign criminal law. *Obshchestvo i pravo = Society and law*. 2019;3(69):37-44. (In Russ.).
2. Korablyova S. Yu. Concepts of guilt and problems of determining guilt in the criminal law of Russia and foreign countries. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki = Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences*. 2020;3(836):295-301. (In Russ.).
3. Criminal law of foreign states. General part: textbook for universities / A. V. Naumov etc.; ed by A. V. Naumov, A. G. Kibal'nik. Moscow: Yurajt, 2023. 285 p. (In Russ.).
4. Criminal law of foreign countries (Special part): educational and methodical manual / N. E. Krylova, A. V. Maleshina, A. V. Serebrennikova. Moscow: Statut, 2019. 351 p. (In Russ.).
5. Criminal law of foreign countries in 3 vols. Volume 1. General part. Textbook for undergraduate and graduate studies / Krylova N. E., Eremin V. N., Ignatova M. A., Serebrennikova A. V. 5th ed., trans. and add. Moscow: Yurajt, 2021. 240 p. (In Russ.).
6. Russian Legal Portal: Pashkov Library. URL: <https://constitutions.ru> (accessed: 03.06.2023). (In Russ.).